

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х21

Amy Harmon
THE SONG OF DAVID

Copyright © 2015 by Amy Harmon
Cover design by Hang Le

В коллаже во внутреннем оформлении
использованы фотографии:
© crwpitman / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Хармон, Эми.
Х21 Песнь Давида / Эми Хармон ; [перевод с англий-
ского А. Харченко]. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с. —
(Young Adult. Лучшая проза Эми Хармон).

ISBN 978-5-04-112400-7

Я выиграл свой первый бой, когда мне было одиннадцать. Борьба — это самая чистая и настоящая вещь на свете. Одна подобна небесам. Некоторые люди описывают рай как море бесконечной белизны. Но для меня он был чем-то иным. Ринг был для меня раем. Пока я не встретил Милли. С ней я изменился. Я понял, что люблю эту девушку, когда увидел ее хрупкую фигуру среди толпы. Милли совершенно неподвижно стояла в центре переполненной комнаты, но никто не замечал ее. Но она стала первой, кого увидел я.

Мой рай был рингом, а она — моим ангелом. Милли стала девушкой, за которую я хотел бороться. Именно она научила меня, что часто самые большие герои остаются незамеченными, а самые важные битвы — это те, победу в которых сложно представить.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Харченко А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112400-7

БОРЦАМ:

КОДИ КЛАРКУ

СТЕФАНИ ТОМАС

РИЧАРДУ СТОУЭЛЛУ

НИКОЛЬ РАСМУССЕН

И ВСЕМ, КТО БОРЕТСЯ

ВМЕСТЕ С НИМИ.

Доколе, Господи, будешь забывать
меня до конца? Доколе будешь
отвращать лицо Твоё от меня?

Доколе мне слагать советы
в душе моей, скорби – в сердце
моём день и ночь? Доколе будет
возноситься мой враг надо мной?
Взгляни, услышь меня, Господи,
Боже мой, просвети очи мои,
да не усну я смертным сном,
да не скажет враг мой:
«Я укрепился против него»¹.

¹ Толкование Архиепископа Иринея псалма Давида.

Пролог

Моисей

Прошлым утром мне позвонила Милли и рассказала, что Таг исчез. Она понятия не имеет, где его искать, да и в любом случае не смогла бы отправиться на его поиски. Таг об этом прекрасно знает, но подобное поведение не в его стиле. Он никогда не был жестоким.

Когда я познакомился с Милли, то сразу же понял, что Таг нашел человека, который сможет утихомирить и сдержать его порывы. Она с радостью распутает все узлы и заставит его притормозить, а в ответ он будет любить ее так, как может только он. Их будто свела сама судьба, хоть я и не верю в подобную чушь. Наверное, это несколько странно, учитывая, что я узнал и повидал в своей жизни, но из-за того, что мы еще очень многого не понимаем в этом мире, я с неохотой предаюсь иллюзиям о предопределении, судьбе и людском предназначении. Говорить, что нам что-то суждено, значит, уходить от ответственности. Так люди

оправдывают собственные оплошности или не самые приятные «подарки» жизни. То, что нам суждено, нельзя контролировать, нельзя спровоцировать — подобные вещи случаются независимо от того, кто или что мы есть. Как закаты, снегопады и стихийные бедствия. Я никогда не верил, что нам суждены тяготы и страдания. Никогда не верил, что некоторые отношения предопределены судьбой. В основном мы сами выбираем свою судьбу. Мы создаем, делаем ошибки, сжигаем мосты и строим новые.

Но Таг другой. Он уготован судьбой. Он смерч, торнадо, которое невозможно контролировать. Таг сбивает нас с ног и затягивает внутрь, но, в отличие от стихийного бедствия, никогда не отпускает. Никогда не дает уйти. Как вдруг, без всякого предупреждения, он ушел. Отпустил.

Три года назад мы с Тагом вернулись в Солт-Лейк-Сити и обжились там. Поначалу я беспокоился, что он не сможет остепениться и мне придется его отпустить. Он всегда был неусидчивым, беспокойным, и ему быстро все наскучивало. Когда проводишь почти шесть лет в путешествиях по миру, это входит в привычку. Постоянное движение, скорость, свобода. После такого трудно подолгу оставаться на одном месте. Но ему удалось. Нам обоим. Мы сбежали как потерянные мальчишки, ищущие Неверленд, и каким-то образом вернулись мужчинами.

Таг угнездился и построил под себя целый квартал — маленький мир, который предоставлял

Песнь Давида

убежище всем, кого он привлек и взял под свою опеку по пути. Я создал себе репутацию, нарастил клиентуру, чуть не погиб, в конечном итоге наладил отношения с Джорджией и даже убедил ее выйти за меня замуж. Шесть месяцев назад у нас родилась дочь Кэтлин. Таг расплакался, когда впервые взял ее на руки, и ему было совершенно наплевать, что он должен поддерживать образ крутого парня. Он выглядел таким счастливым... В гармонии с собой.

А теперь, по какой-то необъяснимой причине, он ушел.

Покинул Милли. Покинул «Команду Тага», свой бизнес, планы на титульный бой, все. Он покинул меня. И ничто из этого не имеет смысла. Если и были какие-то предвещения, то я их не увидел. А ведь я тот парень, который должен замечать то, чего не могут остальные. Меня зовут Моисей Райт — медиум, художник, лучший друг, — и я не заметил признаков.

Глава 1

Моисей

Таг не оставил записки, и в его доме было чисто. Более чем чисто — все вещи собраны по коробкам и увезены, к окну приклеена табличка о продаже. Таг едва ли чистюля — маленький недостаток, над которым ему пришлось бы поработать, если бы к нему переехала Милли. Очевидно, что к нему приходила уборщица, но, когда я ей позвонил, она ничего не смогла мне рассказать. Никто ничего не знает. Таг никому не говорил, что собирается уехать. Его дом выставлен на продажу, машины нет. Его самого нет. И он не оставил новый адрес.

Но в его тренажерном зале нашелся конверт с именем Милли. Внутри были ключи — от ее входной двери, от тренировочного помещения, еще один от бара, а также от шкафа с документами в его кабинете. Прошло много времени, но в конечном итоге нам удалось подобрать ключи к их замкам. У меня не возникло впечатления, что

Песнь Давида

Таг отправлял нас в бессмысленную погоню. Это тоже не в его стиле. Он просто не хотел, чтобы мы нашли его. И это пугало меня до чертиков.

В верхнем ящике серого шкафа обнаружилась коробочка из-под обуви, наполненная кассетами. На них была бугристая наклейка с именем Тага и номером. Также в коробочке был маленький кассетник — знаете, такой с кнопками сбоку и динамиком, занимающим большую часть, еще немного похож на рояль.

Когда я спросил Милли, знает ли она, что это за кассеты, она удивленно провела по ним пальцами и кивнула:

— Должно быть, ему отдал их мой брат Генри. В его комнате еще с незапамятных времен стоял кассетник. Раньше Генри частенько представлял себя спортивным журналистом и записывал собственные репортажи: смотрел матчи нашего отца и комментировал их, как какой-нибудь Боб Костас. Перед смертью мама купила ему диктофон, но у Генри дурацкая привычка ничего не выкидывать. Наверное, он отдал их Тагу.

Тагу нравится все, что можно потрогать. В этом они с Милли похожи. Ей нужно осязать, чтобы видеть. Ему — чтобы наладить связь. Я так и представлял, как он ставил кассеты и болтал целую вечность, прежде чем наконец подобраться к сути. Травил байки и смеялся, будто все это одна большая шутка. Я попытался разозлиться, но в то же время понимал: на самом деле Таг оставил кассеты, потому что только так он мог передать послание

Милли. Только так он мог позволить ей выслушать его без зрителей.

— Ты же знаешь, как им пользоваться? — спросил я.

Она кивнула:

— Кажется, они для тебя, Милли.

— Он пронумеровал кассеты, — прошептала она. — Чтобы я знала, какую слушать первой.

— Ты про бугристые наклейки?

Милли снова кивнула.

— Да. Я обклеила ими всю свою одежду и храню их в коробочке в спальне. С цифрами, буквами, словами. Видимо, он обратил на это внимание, когда я показывала свою комнату.

— Таг всегда внимателен. Его неутомимость всех вводит в заблуждение. Он суетливый, но ничего не упускает.

Нижняя губа Милли задрожала, и с ее ресниц стекли слезы. Я отвернулся, хоть в этом и не было необходимости.

Я услышал, как она возится с кассетой, ставит ее в кассетник и нажимает кнопку, чтобы прослушать. Внезапно тишину наполнил голос Тага, и я вздрогнул и в то же время улыбнулся, разрываясь между злостью на него и глубокой обеспокоенностью. Как бы там ни было, вряд ли Таг хотел, чтобы я слушал его речь для Милли, так что я открыл дверь из кабинета, готовясь уйти и оставить ее наедине. Кассетник тут же щелкнул, обрывая рассказ Тага о его баре. Я и так знал о его бизнесе во всех подробностях и не

Песнь Давида

нуждался в повторении. Но у Милли были свои мысли на этот счет.

— Моисей? Пожалуйста, не уходи. Я хочу, чтобы ты послушал вместе со мной. Ты знаешь его лучше всех — так, как хотела бы узнать его я. И ты тоже его любишь. Прошу, послушай вместе со мной, чтобы я ничего не упустила. А затем я хочу, чтобы ты помог мне найти его.

* * *

Я познакомился с Давидом Таггертом в психиатрическом отделении, когда мне было восемнадцать. Если точнее, в Психиатрической клинике Монтлейк. Я встретился с ним взглядом, сидя в кругу на терапии, увидел его мертвую сестру, маячившую за его плечом, и спросил, знает ли он Молли. Так ее звали. Его мертвую сестру. Таг мгновенно пришел в ярость и кинулся через весь круг, чтобы сбить меня на пол. Его руки сомкнулись на моей шее и выжимали из меня ответы, пока санитары не стащили его.

Не самое многообещающее начало крепкой дружбы.

Мы оказались в клинике по разным причинам. Меня отправили туда люди, которые боялись меня, а Тага — люди, которые любили его. Я видел мертвых, а он хотел умереть. Мы были юными, одинокими, потерянными, и я не хотел, чтобы меня нашли. Мне хотелось сбежать на край земли — и пусть мертвые сами попробуют угнаться за мной.